

В роли сказуемого они согласуются с подлежащим в числе, подлежащее при этом будет стоять в форме номинатива указательного склонения.

Сокращения

ед. ч. – единственное число; л. – лицо; мн. ч. – множественное число; ф.-у. – финно-угорский язык-основа; Абес. – абессив; Абл. – аблатив; Ген. – генитив; Дат. – датив; Иллат. – иллатив; Инес. – инессив; Кауз. – каузатив; Комп. – компаратив; Лат. – латив; Ном. – номинатив; Прол. – пролатив; Транс. – транслатив; Элат. – элатив.

Библиография

- Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953.
Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка. М.–Л., 1955.
Грамматика мордовских языков. Саранск: МГУ им. Н. П. Огарева, 1980.
Иванова Г. С., Кукушкина Н. Ф. Степень изученности фонетического строя мокшанских диалектов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2011. № 4 (20). С. 99–108.
Ломакина Т. И., Иванова Г. С. Мокшень кяль 6 классонди. Саранск: Мордов кн. изд-во, 2004.
Мокшень кяль. Морфология. Саранск, 2000.
Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974.
Черапкин И. Г. Диалекты мордвы-мокши бывшей Пензенской губернии // Ученые записки Саратов. ГУ. Т. 8. Вып. 3. Саратов, 1930. С. 19–31.
Языки народов России: История и современность. Т. 1. Западный, 2017.
Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. 232. Helsinki, 1999.
Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // FUF. 1946. Bd. XXIX, Heft 1–3. S. 222–337.

УДК 811.511.131

Ившин Леонид Михайлович

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск, Удмуртская Республика*

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В УДМУРТСКИХ ПЕРЕВОДАХ КОНЦА XIX в.*

Аннотация: Языку удмуртских письменных памятников второй половины XIX в. присуща значительная лексическая и орфографическая вариативность: в текстах встречаются несколько вариантов написания одних и тех же слов. Причинами возникновения вариантности являются сохранение традиционных написаний конца XVIII в. и влияние территориальных диалектов.

Ключевые слова: удмуртский язык, письменные памятники, правописание, лексика, дублетные написания.

В своих работах мы уже не раз отмечали, что первая грамматика удмуртского языка [Сочинения 1775], применив русскую графику и частично правописание русского языка для записи удмуртских слов, послужила негласным кодификатором графических и орфографических норм при составлении письменных памятников более позднего периода. В истории удмуртского письма графическая система этой грамматики оказала определенное влияние на традиции буквенного обозначения удмуртских звуков средствами русской графики в более поздних рукописных и печатных памятниках. Орфография (точнее, элементы правописания), полученная от русской письменности XVIII в., в дальнейшем совершенствовалась в соответствии с изменениями русского и удмуртского письма. Почему же речь идет об элементах правописания? Дело в том, в удмуртском языке ни в XVIII в., ни в начале-середине XIX в. вербально сформулированных орфографических правил еще не было, поэтому, как нам кажется, целесообразнее оперировать термином «элементы правописания». В наличии орфографии в ранних письменных памятниках сомневаются также некоторые специалисты по истории языков. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, исследуя памятники древненемецкой письменности, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ «Малоизученные печатные и рукописные источники по удмуртскому языку второй половины XIX века (поиск и популяризация)» в рамках научного проекта № 18-012-00004/19.

морфем в одном памятнике, у одного писца» [Зиндер, Строева 1965: 26]. Вышесказанное означает, что орфографии в строгом понимании этого термина не было в древненемецком языке. Не было ее и в памятниках ранней удмуртской письменности. Как отметили выше, первая грамматика удмуртского языка негласно задавала некоторые «нормы правописания», и традиции ее письма в дальнейшем сохраняются на всех уровнях языка и в памятниках письменности XIX в. (подробнее об этом см. [Ившин 2013: 421–423; 2014: 143–144]).

Характерной особенностью удмуртского языка на всем протяжении его развития, но особенно в XIX в., является орфографическая вариативность. Вариативность или вариантность – это наличие нескольких или многих вариантов чего-либо. Орфографическая же вариативность – наличие нескольких вариантов написания одних и тех же слов, их форм, различных аффиксов, а также слитное, дефисное и раздельное оформление сложных слов. Это явление – объективное следствие языковой эволюции, неременный атрибут живого литературного языка. Оно характерно в большей части только для текстовых памятников по удмуртскому языку, поскольку только в текстах слова и их различные формы могут повторяться до несчетного количества раз. Только письменные тексты позволяют проследить эволюцию форм выражения и предоставляют необходимые и естественные контексты для функционально-стилистического, сочетаемостного и позиционного анализа вариантных пар.

Вариативность в правописании письменных памятников на удмуртском языке уже находила отражение в научной литературе. Так, например, В. К. Кельмаков [2008: 49–105] отмечает дублетные написания в Евангелии от Матфея на сарапульском диалекте. Вариативность в нем исследователь объясняет тем, что до публикации книг 1847 г. не было прецедента издания больших текстов на удмуртском языке и опыта у их создателей. Вопросу о вариативности в переводе Евангелия от Луки, выполненном в начале 20-х гг. XIX в., а также некоторых текстов конца XIX в. были посвящены и наши работы [Ившин 2014: 143–146; 2018: 157–160], в которых причину вариантных написаний мы объясняем различным написанием форм слов несколькими (разными) переводчиками.

В проанализированных нами письменных памятниках 80–90-х гг. XIX в. встречается немало дублетных написаний одних и тех же слов и их форм, например:

гўне ~ гынэ ~ гэнэ ‘только’: *Первой урокйосыз валамте кўйўн дыртыса солы мукет урокйос вожматод ке со букваез тодмамте кўйўн тек нимзе гўне вераса чырдыны дышоэ* [Букварь 1882: 4] ‘Если на первых занятиях, поспешая по невнимательности, будешь давать ему другие уроки, он [ученик] научится читать только название буквы’¹; *Дышеқсқез дышетон дырға одик но дыртыны кулэ өвөл, ақсла урокйосыз туж леэ валам бере гынэ солы берло урокйосыз вожматыса валатыны кулэ* [Букварь 1882: 4] ‘Когда учишь ученика, торопиться не следует, только после того, как он очень хорошо усвоит первые занятия, ему нужно показывать [дать понять] следующие’; *Мар тодемде ңарак эн вера тек ларанозе гэнэ вера...* [Букварь 1882: 26] ‘Все известное тебе целиком не говори, скажи только нужное’;

джож ‘досада, досадный, досадно; обида, обидный, обидно; печаль, печальный, печально; грусть, грустный, грустно’ ~ *жожмес* ‘нашу досаду, обиду; нашу печаль, грусть’: *Ҙелыкйосмес бытты ми лештым, мидам джож кариқйосмылы кўт жожмес быттеммы самен* ‘И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим’ [Сокращенный 1887: 7]. Как видно из данного примера, иногда вариантное написание встречается не только в разных местах текста, но и рядом – даже в одном и том же предложении;

кўнэ ~ кунэ ‘три’: *Со кышно картлы кошкыса кўнэ, ар улэм бэраз, налпашкыса-налпашкыса тодэм, сўрэтлослы вўсақкыса улон, Инмарлы лараулы лэсэч уж өвөл вылэмэз* [Училище 1892: 3] ‘Та женщина, выйдя замуж и прожив три года в замужестве, узнала в раздумьях, что поклонение идолам – не угодное Богу дело’; *Соуос лыктэм бэрэ вэрам: «ти монэ наркумышэн вйыны тыртиқкоды вылэм, таңи со наркумыш понытэм луонэз синажады луо», шўэм но, Атайлэн, Пилэн, Святый Бўслэн ңымыз пўнна шўса, со луон вылаз кунэ, пол кирос карэм но лўса лэжэм* [Училище 1892: 11] ‘По прибытии их, она сказала: «Вы меня, оказывается, ядом хотели убить, так вот, перед вашими глазами выпью напиток с ядом», сказала она, и во имя Отца, Сына, Святого Духа, наложив троекратно крест на напиток, выпила’;

мыныськым ~ мынысьтым ‘мой, мой’: *Тужгесйк мыныськым (мынысьтым) законтэм улонёсме бытты, сьўлыкейсь монэ дўнматы* [Чинь 1897: 3] ‘Особенно меня от моих незаконных дел избавь, от грехов моих меня очисти’;

¹ Здесь и далее перевод на русский язык выполнен нами – Л. Ившин.

бжот ~ *бжыт* ‘мало’: *Чурыт кыло эн лү, сабырлыго лү, кыл бесте эн лү, бжот вераскы* [Букварь 1882: 26] ‘Не будь скуп на язык, будь кротким, не будь косноязычным, говори немного’; *Арберіед бжыт* лүозке напсиослиҕ вожмаскыны эсэ шүса тау кары [Букварь 1882: 28] ‘Если вещей у тебя будет мало, поблагодари, что хорошо охранять их от алчных’;

сүрэтлослы ~ *сүрәтіослы* ~ *сүрэдлослы* ‘идолам’: *Солэн картэз сүрэтлослы вөсәскыса улиҕ мурт былэм* [Училище 1892: 3] ‘Его муж был, оказывается, идолопоклонником’; *Со алжыны бытмытэк улиҕ мурттоҕ пушкыҕ одик сүрәтіослы вөсәскыса улиҕ Анөимий Һымо мурт вань былэм* [Училище 1892: 5] ‘Среди этих завистливых людей был один идолопоклонник по имени Анфимий’; *Соҕы Никомахъ куралжонлы чидамэз потытэк, ассэ ачыз арам карыса чырэкҕаса вэрам: «Мон Христосъ косэм законэз ук куты, сүрэдлослы курбон вөсало», шүса* [Училище 1892: 8] ‘Тогда Никомах, не захотев больше терпеть, погубив сам себя, с криком сказал: «Я не приму веру Христову, буду идолам поклоняться»’;

Христос ~ *Христосъ* ‘Христос’: *Со вит орэс пиҕал вэрам: «Мон Христос дышэтэм ҕамэн, кылдытиҕ Инмарэлы оскыҕо, Христослы оскыса улон законэз кутыҕо», шүса. Со бэрэ нош луалдам: «Тон Христосъ дышэтэмэз кижы тодид», шүса* [Училище 1892: 32] ‘Этот пятилетний ребенок сказал: «Я, как учил святой Христос, верю моему творцу Богу, применяю в жизни закон веры в Христа». После этого [его] снова спросили: «Ты как узнал Христово учение?»’.

Анализируя собранный нами материал на параллельные (дублетные) написания одних и тех же слов и их форм, мы можем заметить, что орфографическая вариативность предварительно складывается из следующих элементов:

1) Непоследовательного обозначения велярности согласных посредством использования последующих гласных букв э или е:

узвес ~ *узвэс* ‘свинец, свинцовый’: *Төлы узвес* ‘олово’, *Ыл узвэс* ‘ртуть’ [Первоначальный 1892: 62].

2) Различного обозначения палатальности согласных: в одном случае мягкий консонант отображается при помощи специального графа (с хвостиком), в другом – обычной кириллической буквой, причем, после обоих стоит йотированная буква:

пиҕялйослиҕ ‘у детей’ ~ *пинялйос* ‘дети’: *Атайлен бахедлөгез пиҕялйослиҕ корказе лунмате анайлен каргыһез сойосыз пыдлылиҕкыз куастэ* [Букварь 1882: 19] ‘Благословение отца укрепляет дом детей, проклятие матери высушивает их [детей] с ног’; *Пинялйос переҕйослы ыр поныса улэ* [Букварь 1882: 20] ‘Дети, преклоняйте голову перед старшими’.

3) Наличия / отсутствия буквы ь в конце слов после велярных согласных:

косемь ~ *косем* ‘завет; он попросил (завещал)’: *Инмарлен святой церковас мылкыд поныса, сое саннаса, косемь кылйоссе кылзыса, со косем ҕамен карыса улы* [Букварь 1882: 24] ‘В святой церкви Бога почитай Его, слушай Его заветы, живи по Его законам’;

Христос ~ *Христосъ* ‘Христос’: *Со вит орэс пиҕал вэрам: «Мон Христос дышэтэм ҕамэн, кылдытиҕ Инмарэлы оскыҕо, Христослы оскыса улон законэз кутыҕо», шүса. Со бэрэ нош луалдам: «Тон Христосъ дышэтэмэз кижы тодид», шүса* [Училище 1892: 32] ‘Этот пятилетний ребенок сказал: «Я, как учил святой Христос, верю моему творцу Богу, применяю в жизни закон веры в Христа». После этого [его] снова [они] спросили: «Ты как узнал Христово учение?»’.

Необходимо отметить, что буква ер (ь) для обозначения конечного твердого согласного в удмуртских словах памятников конца XIX в. употребляется лишь в единичных примерах, наряду с формами без этой буквы. В русских же словах с ауслаутом на твердый согласный этот знак, как правило, сохраняется.

4) Слитного, раздельного или дефисного написание частиц:

тодмаз ке ‘если узнает’ ~ *мынитке* ‘если (ты) пойдешь’: *Тодем буквайоссе мукет кыҕайын но тодмаз ке ларалоз...* [Букварь 1882: 4] ‘Если знакомые буквы [ученик] узнает в другой книге, хватит...’; *Муген мынитке чад берты* [Букварь 1882: 17] ‘Если с целью идешь, быстро возвращайся’;

кельтүд-ке ‘если ты оставишь’ ~ *озьыке* ‘если так’: *Мыныськым (мынысьтым) возьдаськыса одйгог сьöлыктэ вератэк ватыса, дяке (либо) таныса кельтүд-ке, уката сьöлыко луод* [Чинь 1897: 10] ‘Постыдившись меня, не скажешь о некоторых своих грехах или утаишь их, еще более грешным будешь’; *Озьыке* вала: *татцы мед бурмом шүса пыремдэ тоды но, бурмытэк эн поты, бурмыса поты* [Чинь 1897: 10] ‘Если так, пойми: знай, что сюда заходишь ради исцеления, не выходи, не исцелившись, а выходи, исцелившись’.

5) Слитного или дефисного написание аффиксов падежей:

тодон-лен 'у знания' ~ *муртлен* 'у человека': *Тодон-лен* пунгыз *Иңмарлиç* курдан [Букварь 1882: 18] 'Конец знания – боязнь Бога'; *Иңмар муртлен* мылкыдиçкыз налпамзе но ңарак тодыса улэ [Букварь 1882: 18] 'Бог все человеческие желания и мысли знает'.

Чем же объясняется возникновение дублетных написаний?

Первую причину возникновения вариантности мы видим в сохранении традиционных написаний. Как мы уже отмечали в начале исследования, первая грамматика «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» послужила негласным кодификатором графических и орфографических норм удмуртского языка конца XVIII в. Правописание (точнее, элементы правописания) в дальнейшем совершенствовалось в соответствии с изменениями русского и удмуртского письма и в какой-то степени дошло до наших дней.

Вторую причину в варьировании слов можно объяснить влиянием территориальных диалектов удмуртского языка. Как верно отмечает историк литературного удмуртского языка В. К. Кельмаков [2008: 126], почти каждый автор, переводчик или издатель удмуртских книг XIX – начала XX в. нередко пользовался собственной графической системой. Причиной последнего явилось стремление издателей предельно точно фиксировать фонетические особенности «казанского», «глазовского», «сарапульского», «елабужского» и частично «уфимского» диалектов, на которых издавалась печатная продукция того времени. Мы полностью поддерживаем это мнение.

Наши наблюдения над дублетными парами из текстовых письменных памятников конца XIX в. позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Вариантность – это не результат случайной речевой небрежности или плохого знания языка, а объективное следствие языковой эволюции и непременный атрибут живого литературного языка. От сознательного усилия нормализаторской деятельности переводчиков вариативность в письменных памятниках исследуемого периода, по сравнению с более ранними удмуртскими текстами, заметно сокращается. Присутствие в текстах письменных памятников 80–90-х гг. XIX в. случаев различного буквенного оформления одних и тех же удмуртских слов и их форм доказывает то, что удмуртская орфография и во второй половине XIX столетия продолжает свое развитие, однако о ее нормированности говорить еще рано. Причиной дублетных написаний является сохранение традиционных написаний и влияние территориальных диалектов удмуртского языка.

Библиография

- Букварь для крещенныхъ вотяковъ. Гожтет тодыте. Казань, 1882.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка: Пособ. для студентов пед. ин-тов. М.–Л.: Просвещение, 1965.
- Ившин Л. М. Традиции удмуртской грамматики 1775 года в памятниках удмуртской письменности первой половины XIX века // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: Сб. ст. Ижевск, 2013. С. 419–423.
- Ившин Л. М. Орфографическая вариативность в первом переводе Евангелия от Луки на удмуртском языке // Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках: Сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (14–17 окт. 2014 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2014. С. 143–146.
- Ившин Л. М. Дублетные написания в удмуртских переводах конца XIX в. // Вестник Воронежского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 157–160.
- Кельмаков В. К. О языке первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка // Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособ. / УдГУ. ФУФ. Каф. общ. и фин.-угор. языкознания (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. С. 49–105.
- Первоначальный учебникъ русскаго языка для вотяковъ. Казань, 1892.
- Сокращенный молитвословъ на вотскомъ языкѣ. Казань, 1887.
- Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 19–132.
- Училище благочестія на вотскомъ языкѣ. Казань, 1892.
- Чинь исповѣданія и како причащати больнаго. На вотскомъ языкѣ. Казань, 1897.